

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 2 СТАТЬИ
419 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
КОНСТИТУЦИИ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ РОБЕРТА КОЧАРЯНА**

г. Ереван

7 мая 2019 г.

Конституционный Суд в составе Г. Товмасына (председательствующий), А. Гюлумян (докладчик), А. Диланяна, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

представителя заявителя – адвоката А. Вардеваняна,

привлеченного в качестве ответчика по делу представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения Управления правовой экспертизы Аппарата Национального Собрания А. Кочарян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции и статьям 22 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 2 статьи 419 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения Конституции на основании обращения Роберта Кочаряна”.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (далее – также Кодекс) принят Национальным Собранием 1 июля 1998 года, подписан Президентом Республики 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года.

После принятия Кодекса в статью 419, озаглавленную “Полномочия Кассационного Суда”, трижды вносились изменения – Законом НО-152-N, который принят Национальным Собранием 7 июля 2006 года, подписан Президентом Республики 12 июля 2006 года и вступил в силу с 5 августа 2006 года, Законом НО-270-N, который принят Национальным Собранием 28 ноября 2007 года, подписан Президентом Республики 18 декабря 2007 года и вступил в силу с 27 декабря 2007 года и Законом НО-38-N, который

принят Национальным Собранием 8 февраля 2011 года, подписан Президентом Республики 26 февраля 2011 года и вступил в силу с 19 марта 2011 года.

Оспариваемая часть 2 указанной статьи Кодекса устанавливает:

“В результате пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов Кассационный Суд отклоняет кассационную жалобу, оставляя судебный акт в законной силе, или выносит новый судебный акт, который вступает в законную силу с момента вынесения”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 17 января 2019 года обращение Роберта Кочаряна.

Изучив обращение, имеющиеся в деле письменные объяснения, а также проанализировав соответствующие положения Кодекса и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

Заявитель считает, что в результате законодательной формулировки части 2 статьи 419 Кодекса, данного ей в правоприменительной практике толкования и отсутствия в том же Кодексе процедурных и институциональных гарантий рассмотрения правомерности заключения под стражу в кассационном производстве нарушаются его права, закрепленные в статьях 27, 61, 63, 75 и 79 Конституции.

Заявитель утверждает, что другие закрепленные в главе 48 Кодекса положения, которые системно взаимосвязаны с оспариваемым правовым положением, не обеспечивают **процедурные и институциональные гарантии** рассмотрения законности и обоснованности избрания или неизбрания в кассационном производстве заключения под стражу в качестве меры пресечения, что приводит к нарушению прав, закрепленных в статьях 27, 63 и 75 Конституции.

Согласно заявителю, правомочие проверки законности и обоснованности избрания или неизбрания заключения под стражу в качестве меры пресечения законодатель особым регулированием статьи 288 Кодекса предоставил Апелляционному суду. В отличие от указанной статьи, которая устанавливает особые регулирования и точные сроки проверки законности и обоснованности избрания или неизбрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, в главе 48 Кодекса вообще нет регулирований относительно

обоснований принятия Кассационным Судом их к производству, сжатых сроков рассмотрения, иных процедурных особенностей, вследствие чего нарушаются закрепленные Конституцией права лица на личную свободу, эффективную судебную защиту, справедливое судебное разбирательство и конституционное требование обеспечения необходимых для эффективного осуществления этих прав организационных механизмов и процедур.

По убеждению заявителя, Кодексом не предусмотрены иные правовые гарантии восполнения указанного пробела, и они оставлены на **абсолютное усмотрение Кассационного Суда**.

Заявитель, ссылаясь на правоприменительную практику Кассационного Суда, приходит к заключению, что вследствие **пробела в праве**, а именно отсутствия точных сроков рассмотрения поданных против не разрешающих дело по существу судебных актов кассационных жалоб, процедурных и институциональных гарантий, складывается такая ситуация, когда Кассационный Суд, являясь по своему конституционному статусу средством эффективной судебной защиты прав лица, констатирует нарушения прав человека, однако **не принимает какие-либо меры** по их устранению, “так как решения выносятся в столь неразумные сроки и в условиях отсутствия необходимых законодательных гарантий, что право на справедливое судебное разбирательство и эффективную судебную защиту теряет смысл”. Заявитель указывает случаи, когда Кассационный Суд в результате проверки законности и обоснованности избрания или неизбрания заключения под стражу в качестве меры пресечения нашел, что его применение было необоснованным и немотивированным, однако уже не только истек срок заключения под стражу, но и в отношении лица был вынесен приговор.

Заявитель аргументирует, что Кассационный Суд, обращаясь к регулированию статьи 394 Кодекса, выразил позицию, что в случае не разрешающих дело по существу судебных актов законодательная формулировка относительно вынесения новых судебных актов неопределенна, закон не конкретизирует понятие “новый судебный акт” и не устанавливает, какие именно решения Апелляционного суда считаются “новым судебным актом”, и во избежание этой неопределенности нашел, что при вынесении нового судебного акта в результате пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов необходимо руководствоваться установленными частью 1 статьи 394 Кодекса

полномочиями относительно разрешающих дело по существу судебных актов. По утверждению заявителя, Кассационным Судом **не совершено никакого действия** по преодолению предполагаемой неопределенности нормы, **обеспечению правил ее единообразного применения**; данным оспариваемой нормой толкованием Кассационный Суд фактически превысил предоставленные ему Конституцией и Кодексом полномочия. Заявитель считает, что в этом случае Кассационный Суд более не выступает в качестве “созданного на основании закона суда”.

По мнению заявителя, законодатель проявил дифференцированный подход к разрешающим дело по существу и не разрешающим дело по существу судебным актам, и употребляемый в части 2 статьи 419 Кодекса термин “новый судебный акт” является *prima facie* четким и преследует цель обеспечить окончательное решение вопроса, поднятого не разрешающими дело по существу судебными актами, в максимально сжатые сроки. Между тем реализация Кассационным Судом полномочий, предусмотренных для разрешающих дело по существу судебных актов в части не разрешающих дело по существу судебных актов, нарушает законодательную правомерную цель их разграничения и приводит, в числе прочего, к нарушению права на справедливое судебное разбирательство, в том числе с точки зрения рассмотрения дел в разумные сроки.

Заявитель считает, что в сложившейся ситуации решением проблемы может стать раскрытие Конституционным Судом конституционно-правового содержания термина “новый судебный акт”, так как проблему правовой определенности создало именно данное Кассационным Судом толкование, которое было реализовано не с целью обеспечения единообразного применения закона, а, вступая в противоречие с дифференцированным подходом законодателя в отношении судебных актов, привело к тому, что Кассационный Суд установил для себя новое полномочие.

2. Позиции ответчика

Ответчик считает, что законодатель, созвучно призванию Кассационного Суда как высшей инстанции правосудия и обеспечивающего единообразное применение закона органа, в рамках своей законодательной деятельности последовательно укрепил и развил направленные на исключение в ходе уголовного судопроизводства безосновательного или обусловленного произвольным фактором ограничения права лица на свободу не

разрешающими дело по существу судебными актами при применении по рассматриваемому делу заключения под стражу в качестве меры пресечения гарантии, которые следуют также из правовых позиций, выраженных в прецедентном праве Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ).

По мнению ответчика, в разумный срок, вытекающий из особенностей каждого обусловленного принятием не разрешающих дело по существу судебных актов дела, в частности, в каждом случае применения в рамках рассматриваемого дела в отношении лица в качестве меры пресечения заключения под стражу и его обжалования, созвучно признанной законодателем концепции, должна быть оценена бесспорная необходимость ограничения права на свободу с точки зрения защиты более высоких благ, оцениваемого цивилизованным человечеством публичного интереса, обеспечивая разумный баланс публичного и частного интересов, обоснованность ограничения свободы, наличие действенных механизмов контроля и надзора.

В результате анализа судебной практики Конституционного Суда и ЕСПЧ ответчик пришел к заключению, что утверждение заявителя о том, что неустановление четких механизмов и процедур рассмотрения дел о заключении под стражу создало проблемы в связи с пробелами в праве, безосновательно, так как предмет рассматриваемого конституционно-правового спора не содержит подобного правового вопроса.

Что касается поднятого заявителем вопроса неустановления законодателем четких сроков, то ответчик отмечает, что “согласно уголовно-процессуальным концепциям как апелляционного производства, так и кассационного производства, в соответствии с уголовно-процессуальными нормами в не разрешающих дело по существу судебных актах, в частности при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, в обоих случаях предусматривается разумный срок рассмотрения дела (статьи 388 и 417 Кодекса)”.

Согласно заявителю, законодатель, установив термин “разумный срок”, проявил единый подход к Апелляционному и Кассационному судам.

Ответчик считает, что часть 2 статьи 419 Кодекса соответствует требованиям Конституции.

3. Обстоятельства, подлежащие разъяснению в рамках дела

В рамках настоящего конституционно-правового спора Конституционный Суд считает необходимым обратиться к разъяснению следующих вопросов:

1. Включает ли эффективная судебная защита закрепленного в части 5 статьи 27 Конституции основного права лица на оспаривание правомерности лишения его свободы *обязательное требование рассмотрения правомерности лишения свободы в кассационной инстанции?*

2. *Касается ли* требование части 5 статьи 27 Конституции о вынесении вышестоящим судом в сжатые сроки решения о правомерности заключения под стражу *также Кассационного Суда?*

3. Имеется ли *законодательный пробел* с точки зрения рассмотрения в кассационном производстве правомерности заключения под стражу и приводит ли это к нарушению требований, установленных в статьях 27, 63 и 75 Конституции?

4. С точки зрения обеспечения закрепленного в части 1 статьи 61 Конституции права на эффективную судебную защиту *допустимо ли в кассационной инстанции в результате рассмотрения вопроса правомерности заключения под стражу ограничиваться лишь констатацией факта нарушения основного права, без устранения нарушения?*

5. Следует ли из части 2 статьи 171 и статьи 172 Конституции, что *объемы пересмотра промежуточных судебных актов в апелляционной и кассационной инстанциях должны быть идентичны?*

6. *Должны ли полномочия, осуществляемые в результате пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов судов апелляционной и кассационной инстанций в рамках функций, установленных частью 2 статьи 171 и статьей 172 Конституции, с точки зрения обеспечения закрепленного в части 1 статьи 61 Конституции права на эффективную судебную защиту, отличаться от полномочий, осуществляемых в результате пересмотра разрешающих дело по существу судебных актов?*

7. С точки зрения части 1 статьи 6, части 1 статьи 164 и статьи 171 Конституции *компетентен ли Кассационный Суд толковать свое полномочие по принятию нового судебного акта в результате пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов как правовую возможность изменения собственным решением содержания своих установленных Законом полномочий?*

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Часть 1 статьи 419 Кодекса устанавливает полномочия Кассационного Суда в результате пересмотра разрешающих дело по существу судебных актов, а оспариваемая заявителем часть 2 – полномочия Кассационного Суда в результате пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов (далее также промежуточные судебные акты). Согласно части 1 упомянутой статьи Кассационный Суд правомочен осуществлять **шесть полномочий**, в том числе *полностью или частично отменять судебный акт и направлять дело в отмененной части на новое рассмотрение в соответствующий нижестоящий суд*, устанавливая объем нового рассмотрения.

Оспариваемой частью 2 статьи 419 Кодекса Кассационному Суду предоставляются **два полномочия**: отклонять кассационную жалобу, оставляя не разрешающий дело по существу судебный акт в законной силе, или **выносить новый судебный акт**, который вступает в законную силу с момента вынесения.

Сопоставление упомянутых положений Кодекса свидетельствует, что законодатель целенаправленно дифференцировал содержание и объем полномочий Кассационного Суда в результате пересмотра разрешающих и не разрешающих дело по существу судебных актов. В одном случае законодатель предоставил Кассационному Суду более объемные полномочия, а в другом – ограничил его полномочия двумя альтернативами. Причем для **Конституционного Суда очевидно**, что законодатель во втором случае предъявил Кассационному Суду требование **вынести относительно промежуточного судебного акта одно из следующих решений** – отклонить кассационную жалобу, оставив оспариваемый судебный акт в законной силе, или в кассационном производстве вынести новый судебный акт.

Конституционный Суд считает, что, разграничивая полномочия Кассационного Суда в случаях разрешающих дело по существу и не разрешающих дело по существу судебных актов, а также ограничивая полномочия Кассационного Суда в случае не разрешающих дело по существу судебных актов **требованием принятия новых судебных актов**, законодатель преследовал цели **пресечения процессуального круговорота** относительно не разрешающих дело по существу судебных актов, а также обеспечения эффективного осуществления права на судебную защиту посредством **формирования в Кассационном**

Суде окончательной правовой позиции по этим вопросам и ее закреплению и рассмотрения дела в разумный срок.

По оценке Конституционного Суда, это регулирование имеет превентивный характер и направлено на гарантированное обеспечение основной функции вынесения окончательного решения по существу дела с точки зрения принципа **ограничения пересмотра в вышестоящем порядке**, что невозможно осуществить при бесконечном пересмотре не разрешающих дело по существу судебных актов.

Правовая возможность бесконечного пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов, которая могла быть в случае законодательного закрепления более объемных полномочий Кассационного Суда, могла существенно повлиять на рассмотрение данного дела по существу как в нижестоящих судах, так и в той же кассационной инстанции, нарушая его эффективность. Более того, Конституционный Суд считает, что непресечение на законодательном уровне возможности неограниченного пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов могло поставить под угрозу исконную функцию правосудия, так как было бы невозможно предвидеть реальное или возможное влияние вынесенных в результате пересмотра промежуточных судебных актов решений на разрешение дела по существу, следовательно, в конечном итоге либо судебное разбирательство продлилось бы безосновательно, либо суды были бы вынуждены обратиться к рассмотрению промежуточных судебных актов после вынесения решения по существу дела, что было бы недопустимо.

4.2. Конституционный Суд констатирует, что содержание законодательных регулирований судебного контроля за применением заключения под стражу в основном сводится к следующему:

1) учитывая характер заключения под стражу как одной из форм наиболее интенсивного вмешательства в личную свободу Уголовно-процессуальный кодекс установил **предварительный судебный контроль** за правомерностью заключения под стражу **в суде первой инстанции** (статья 44 Уголовно-процессуального кодекса в совокупности со статьями 278 и 136), который включает:

а) применение заключения под стражу в качестве меры пресечения **только на основании решения суда** (статья 280 Уголовно-процессуального кодекса);

б) **полное**, то есть в совокупности со всеми фактическими и правовыми обстоятельствами **рассмотрение в суде первой инстанции** ходатайства следователя или прокурора об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения (часть 1 статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса), в частности, посредством осуществления полномочий истребования документов и вещественных доказательств, необходимых для проверки обоснованности ходатайства о заключении под стражу, а также обосновывающих ходатайство о заключении под стражу дополнительных материалов, объяснений с целью проверки обоснованности заключения под стражу (часть 4 статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса в совокупности с частью 3 статьи 283 того же Кодекса);

в) при вынесении постановления о заключении под стражу **обязанность** суда первой инстанции **решать вопрос освобождения** обвиняемого из-под стражи **под залог** (часть 4 статьи 137 Уголовно-процессуального кодекса);

г) **безотлагательное рассмотрение** ходатайства об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения в суде первой инстанции (часть 2 статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса);

2) решение суда первой инстанции об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения может быть обжаловано в Апелляционный суд (часть 1 статьи 287 Уголовно-процессуального кодекса), который:

а) в порядке **ограниченной апелляции**, то есть **в общем порядке** проверяет законность и обоснованность решения суда первой инстанции (часть 1 статьи 288 Уголовно-процессуального кодекса);

б) получив жалобу, обязан **безотлагательно истребовать материалы, обосновывающие необходимость заключения под стражу, и решение суда первой инстанции** (часть 3 статьи 287 Уголовно-процессуального кодекса);

в) в четко установленные Кодексом **сжатые сроки** – в течение трех дней со дня получения упомянутых материалов – должен вынести решение относительно решения суда первой инстанции (часть 2 статьи 288 Уголовно-процессуального кодекса);

г) в результате проверки законности и обоснованности заключения под стражу **правомочен непосредственно решить вопрос заключения под стражу**, в частности отменить заключение под стражу и освободить лицо из-под стражи (часть 5 статьи 288

Уголовно-процессуального кодекса), то есть в части оценки правомерности заключения под стражу Уголовно-процессуальный кодекс конкретизирует круг закрепленных в части 2 статьи 394 этого Кодекса полномочий Апелляционного суда в результате рассмотрения апелляционных жалоб против не разрешающих дело по существу судебных актов, **максимально конкретизируя их посредством *особых положений***, включая **содержание и объем** полномочия Апелляционного суда **по вынесению нового судебного акта по этому вопросу;**

3) решения апелляционной инстанции относительно заключения под стражу могут быть обжалованы в Кассационный Суд (статья 403 и часть 1 статьи 404 Уголовно-процессуального кодекса), причем, в отличие от первой и апелляционной инстанций, в кассационной инстанции **не установлены особенности** рассмотрения законности и обоснованности заключения под стражу, что означает, что:

а) Кассационный Суд, принимая к производству кассационную жалобу по вопросу законности и обоснованности заключения под стражу, выносит постановление **в общий трехмесячный срок** (часть 5 статьи 414² Уголовно-процессуального кодекса);

б) кассационная жалоба по вопросу законности и обоснованности заключения под стражу подается на установленных для подачи кассационной жалобы **общих основаниях** и принимается к рассмотрению, если решение Кассационного Суда относительно поднятого в жалобе вопроса **может иметь существенное значение для единообразного применения закона и иных нормативно-правовых актов** или **налицо основополагающее нарушение прав и свобод человека** (статья 407 Уголовно-процессуального кодекса в совокупности со статьей 414² того же Кодекса);

в) рассмотрение в кассационной инстанции вопроса законности и обоснованности заключения под стражу осуществляется **в общем порядке – в разумный срок.**

Принимая за основание вышеупомянутые законодательные регулирования, Конституционный Суд считает, что законодатель разграничил механизмы судебного контроля за правомерностью досудебного производства касательно лишения личной свободы в виде заключения под стражу в различных судебных инстанциях. Если суд первой инстанции должен **предварительно в полном объеме контролировать** правомерность заключения под стражу, вынося по этому вопросу первоначальное решение, то суды апелляционной и кассационной инстанций **в дальнейшем должны**

решить уже вопрос правомерности судебного акта при наличии соответствующей жалобы и в рамках предмета этой жалобы.

Таким образом, законодатель для суда первой инстанции установил полное полномочие проверки правомерности заключения под стражу и особый срок, для Апелляционного суда сохранил общее правило ограниченного пересмотра, также установив особый срок, причем за исключением общих полномочий, установленных для пересмотра промежуточных судебных актов (часть 2 статьи 394 Уголовно-процессуального кодекса), для пересмотра правомерности заключения под стражу установил особые полномочия (часть 5 статьи 288 Уголовно-процессуального кодекса), а в связи с решением вопроса правомерности заключения под стражу в Кассационном Суде никакой особенности не установил.

Необходимо отметить, что ЕСПЧ в ряде решений по делам против Украины посчитал, что право лица на свободу и личную неприкосновенность нарушено, потому что Уголовно-процессуальный кодекс не предусмотрел никакого различия между ходатайствами об освобождении лишеного свободы лица и другими ходатайствами в ходе судебного разбирательства, и аргументировал, что эта проблема периодически возникает по причине отсутствия четких и предсказуемых положений, регулирующих удовлетворяющую требованиям пункта 4 статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) процедуру (см. *Nechiporuk and Yonkalo v. Ukraine*, app. no. 42310/04, 21/04/2011, §248; *Molodorych v. Ukraine*, app. no. 2161/02, 28/10/2010, §108; *Kharchenko v. Ukraine*, app. no. 40107/02, 10/02/2011, §86 и т.д.).

4.3. Согласно части 5 статьи 27 Конституции каждое лицо, лишённое личной свободы, имеет право на оспаривание правомерности лишения его свободы, о чем суд в сжатые сроки выносит решение и распоряжается о его освобождении, если лишение свободы является неправомерным.

По оценке Конституционного Суда, если требование части 4 той же статьи Конституции о безотлагательном вынесении судом решения о разрешении на содержание лица под стражей или об освобождении касается только предусмотренных пунктом 4 части 1 той же статьи случаев в целях обеспечения явки лица в компетентный орган и предполагает возбуждение такого ходатайства компетентным органом, то право лица на оспаривание правомерности лишения свободы касается всех случаев лишения личной

свободы и предполагает обжалование этим лицом решения о применении заключения под стражу.

Средством осуществления права на оспаривание правомерности лишения свободы в предусмотренных пунктом 4 части 1 статьи 27 Конституции случаях является обжалование решений судов первой и апелляционной инстанций о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения в соответствующий вышестоящий суд.

Конституционный Суд констатирует, что при наличии **особых оснований**, обусловленных закрепленными в части 2 статьи 171 Конституции функциями **Кассационного Суда**, это право может включать также требование установления **возможности пересмотра судебного акта нижестоящего суда в кассационной инстанции.**

В то же время Конституционный Суд отмечает, что это право взаимосвязано с закрепленным в части 1 статьи 61 Конституции правом на эффективную судебную защиту прав и свобод. Эффективная судебная защита, наряду с вынесением решения по существу, не может предполагать процессуальный круговорот иных не разрешающих дело по существу судебных актов. Это несовместимо также с требованием обеспечения правовой безопасности, являющейся элементом правового государства.

Конституционный Суд считает, что Конституция в случае оспаривания не разрешающих дело по существу судебных актов не требует обязательного рассмотрения всех таких актов в апелляционном порядке, за исключением вынесенного судом первой инстанции решения по вопросу правомерности заключения под стражу, а также сама по себе не требует возможности рассмотрения правомерности заключения под стражу в рамках кассационного производства, за исключением тех случаев, когда решение о применении заключения под стражу вынес Апелляционный суд, так как рассмотрение промежуточных вопросов может также создать чрезмерную нагрузку для судов и препятствовать осуществлению истинного правосудия в разумный срок, что может противоречить закрепленному в части 1 статьи 61 Конституции основному праву.

С другой стороны, Конституционный Суд констатирует, что установление процедуры оспаривания судебных актов оставлено на усмотрение законодателя, однако выбранные законодателем решения должны обеспечивать **эффективное осуществление**

правосудия во всех судебных инстанциях. Следовательно, если законодатель решил установить возможность оспаривания части промежуточных судебных актов в рамках институтированной в Республике Армения трехступенчатой судебной системы, то во всех судебных инстанциях, учитывая пределы их конституционных функций, в первую очередь должны быть законодательно обеспечены **эффективность судебной защиты и гарантии справедливого судебного разбирательства.**

ЕСПЧ не раз отмечал, что часть 4 статьи 5 Конвенции, которая закрепляет право лица на оспаривание законности заключения под стражу, **не обязывает Договаривающиеся стороны иметь более одной судебной инстанции для рассмотрения заявлений о законности заключения под стражу и об освобождении лица.** Тем не менее, если государство предусматривает второй уровень компетенции, то, как правило, заключенным под стражу должны быть предоставлены такие же процессуальные гарантии, какие предусмотрены для первой инстанции, в том числе быстрота пересмотра вышестоящим судом решения нижестоящего суда о применении заключения под стражу (*Inseher v. Germany*, 4 December 2018, GC app. no. 10211/12, 27505/14, §254; *Navarra v. France*, 23 November 1993, §28, Series A no. 273-B; *Khudobin v. Russia*, 26 October 2006, app. no. 59696/00, §124 ECHR 2006-XII; *Piotr Baranowski v. Poland*, app. no. 39742/05, §63, 2 October 2007; *S.T.S. v. The Netherlands*, 7 June 2011, app. no. 277/05 §48). Это касается даже тех конституционных судов, которые решают вопрос законности содержания лица под стражей и выносят решение о его освобождении, если заключение под стражу является незаконным (*Smatana v. the Czech Republic*, app. no. 18642/04, §123, 27 September 2007; and *Mercan v. Turkey (dec.)*, app. no. 56511/16, §24, 8 November 2016). Считая допустимым рассмотрение в вышестоящих инстанциях вопроса правомерности заключения под стражу в чуть более продолжительный срок по сравнению с судом первой инстанции, вместе с тем ЕСПЧ посчитал, что это не освобождает вышестоящую инстанцию от своей предусмотренной статьей 5 Конвенции обязанности незамедлительно определять законность заключения заявителя под стражу, чтобы гарантировать, что право на быстрое вынесение решения остается практичным и эффективным (*Inseher v. Germany*, 4 December 2018, GC app. no. 10211/12, 27505/14, §273).

Конституционный Суд считает, что, если закон разрешает, **оспаривание не разрешающих дело по существу судебных актов в кассационной инстанции должно**

быть исключением, а не правилом, точно так же как в апелляционной инстанции не могут быть оспорены все промежуточные судебные акты суда первой инстанции. В то же время при оспаривании в кассационной инстанции не разрешающих дело по существу судебных актов в кассационном производстве также должны обеспечиваться необходимые предпосылки эффективной судебной защиты и справедливого судебного разбирательства. В этом аспекте Конституционный Суд обращает внимание Правительства и Национального Собрания на часть 5 статьи 414² Кодекса, системно взаимосвязанную с оспариваемым положением в части принятия и рассмотрения в трехмесячный срок кассационной жалобы по вопросу правомерности заключения под стражу. Учитывая максимальную продолжительность срока первоначального заключения под стражу и каждого срока его продления, которая установлена в статьях 138, 139 Кодекса, становится очевидно, что законодатель предоставил возможность, чтобы до принятия Кассационным Судом к рассмотрению вопроса правомерности заключения под страж, это заключение под стражу уже исчерпало бы себя.

4.4. Согласно части 2 статьи 171 Конституции функциями Кассационного Суда в рамках установленных законом полномочий посредством пересмотра судебных актов являются обеспечение единообразного применения законов и иных нормативных правовых актов, а также устранение фундаментального нарушения прав и свобод человека.

Конституционный Суд считает, что функции Кассационного Суда в Конституции закреплены исчерпывающе, а способствование развитию права не является отдельной функцией и должно осуществляться только в рамках установленных Конституцией функций – как результат их осуществления посредством установленных законом полномочий. Помимо этого, констатирование каким-либо судом нарушения права без его устранения означает неосуществление правосудия, между тем, если суд призван пересматривать судебные акты нижестоящих судов (а для Кассационного Суда это требование непосредственно установлено в части 2 статьи 171 Конституции), то он не может не осуществлять правосудие, то есть не устранять также нарушение основных или иных прав и свобод, особенно если констатирует их. Очевидно, что любой такой законодательный механизм или судебная практика будет противоречить части 1 статьи 61

Конституции, причем в подобных случаях не будут обеспечены также гарантии справедливого судебного разбирательства.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд считает, что выбранные законодателем **решения относительно рассмотрения в кассационной инстанции на общих основаниях вопроса правомерности лишения свободы**, в том числе процедура рассмотрения кассационной жалобы в разумный срок, с точки зрения Конституции сами по себе не создают проблем.

Что касается положения, закрепляющего установленный в части 5 статьи 414² Кодекса трехмесячный срок принятия к рассмотрению кассационной жалобы по вопросу правомерности заключения под стражу, превышающий максимальную продолжительность срока первоначального заключения под стражу и каждого срока его продления, то, хотя оно системно и взаимосвязано с оспариваемым положением, тем не менее к вопросу его конституционности Конституционный Суд не может обратиться, учитывая требование части 10 статьи 68 Конституционного закона “О Конституционном Суде” во взаимосвязи с частью 13 статьи 69 того же Закона о том, что только в случае признания оспариваемого положения противоречащим Конституции Конституционный Суд компетентен обратиться также к конституционности иных положений, системно взаимосвязанных с оспариваемым положением.

Таким образом, Конституционный Суд считает, что, помимо predeterminedных Конституцией случаев, **не разрешающие дело по существу судебные акты могут быть оспорены в кассационной инстанции только в особых случаях, если законодатель сочтет это допустимым, исходя из конституционных функций Кассационного Суда.**

С другой стороны, законодатель **обязан установить необходимые предпосылки эффективной судебной защиты и справедливого судебного разбирательства в кассационной инстанции** с таким расчетом, чтобы Кассационный Суд, придя к заключению о нарушении какого-либо права или свободы, **в обязательном порядке и в рамках эффективной процедуры, осуществляя правосудие, устранил это нарушение.** Конституционный Суд считает необходимым особо отметить, что это особенно касается такого способа интенсивного вмешательства в личную свободу, каким является заключение под стражу, вопрос принятия к производству кассационной жалобы относительно правомерности которого, как требует также системная логика Кодекса,

должен быть решен в такие сжатые сроки, которые позволят **решить этот вопрос**, как правило, **как минимум не превышая максимальный срок заключения под стражу, выбранного в качестве меры пресечения на основании пересматриваемого судебного акта**. Несмотря на это, учитывая тот факт, что заключение под стражу является одним из наиболее интенсивных способов вмешательства в личную свободу, хотя рассмотрение вопросов заключения под стражу может осуществляться в Кассационном Суде в разумный срок и на общих основаниях, вместе с тем Кассационный Суд должен учитывать, что требование разумного срока в этом случае означает существенно более короткий срок, чем в случаях оспаривания разрешающих дело по существу судебных актов.

Конституционный Суд подчеркивает, что из установленного частью 5 статьи 27 Конституции конституционного требования вынесения решения о правомерности лишения свободы в сжатые сроки исходит, что и Кассационный Суд при толковании разумного срока рассмотрения дела обязательно должен учитывать конституционное требование рассмотрения всех обстоятельств дела и вынесения решения **по возможности в сжатые сроки**.

Таким образом, Конституционный Суд считает, что чем интенсивнее вмешательство в основные и иные права и свободы человека, тем в более сжатые сроки суды, в том числе Кассационный Суд, в рамках установленных законом эффективных механизмов и процедур с соблюдением всех гарантий справедливого судебного разбирательства должны принимать к рассмотрению и рассматривать требования (жалобы), предъявленные с целью эффективной защиты от этого вмешательства.

4.5. Заявитель поднимает вопрос конституционности оспариваемого положения Кодекса и системно взаимосвязанной с ним главы 48 того же Кодекса также с точки зрения законодательного пробела, считая, что упомянутые положения противоречат статьям 27, 63 и 75 Конституции “постольку, поскольку не обеспечивают процедурные и институциональные гарантии рассмотрения заключения под стражу в производстве Кассационного Суда”.

Конституционный Суд ранее неоднократно обращался к проблеме пробелов в праве, в частности также законодательного пробела. Согласно общей логике выраженных ранее Конституционным Судом правовых позиций:

1. “При рассмотрении вопроса конституционности законодательного пробела задача Конституционного Суда заключается в том, чтобы установить, является ли данный законодательный пробел **недостатком правового регулирования или правотворческий орган при установлении подобного правового регулирования учел наличие в законодательстве соответствующих правовых гарантий и надеялся на формирование соответствующей правоприменительной практики на основании этих правовых гарантий.** ... законодательный пробел может быть предметом рассмотрения Конституционного Суда только в том случае, когда в законодательстве **нет иных правовых гарантий** исполнения этого пробела или при наличии в законодательстве **соответствующих правовых гарантий сформировалась противоречивая правоприменительная практика,** или когда имеющийся законодательный пробел **не обеспечивает возможность реализации того или иного права.** В противном случае вопрос конституционности пробелов в правовом регулировании не подлежит рассмотрению Конституционным Судом” (ПКС-914).

2. “Законодательный пробел имеется в том случае, когда вследствие **отсутствия обеспечивающего полноценность правового регулирования элемента или неполного регулирования этого элемента** нарушается полная и нормальная реализация законодательно урегулированных правоотношений” (ПКС-1143).

3. “Рассматривая полномочия законодательного органа и Конституционного Суда в вопросе преодоления пробелов в праве в контексте принципа разделения властей, Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что во всех случаях, когда пробел в праве обусловлен **отсутствием нормативного предписания относительно находящихся в сфере правового регулирования конкретных обстоятельств,** преодоление подобного пробела находится в рамках компетенции законодательного органа. Конституционный Суд в рамках рассмотрения дела обращается к конституционности того или иного пробела в законе, если обусловленная содержанием оспариваемой нормы правовая неопределенность приводит к такому толкованию и применению данной нормы в правоприменительной практике, что нарушает или может нарушить конкретное конституционное право” (ПКС-864).

Анализируя с точки зрения предполагаемого законодательного пробела оспариваемое положение Кодекса и системно взаимосвязанные с ним положения главы 48

того же Кодекса, Конституционный Суд считает, что законодатель полностью урегулировал производство в Кассационном Суде и установил правила, касающиеся права на подачу кассационной жалобы, ее оснований и содержания, (особых) оснований принятия ее к производству, пределов рассмотрения дел в Кассационном Суде, подготовки заседания Кассационного Суда, круга полномочий Кассационного Суда, особенностей отмены оправдательного приговора, содержания решений Кассационного Суда и процессуальных последствий отмены Кассационным Судом приговора или решения. Законодатель установил также сроки принятия кассационной жалобы к производству и ее рассмотрения, поэтому это не может рассматриваться как законодательный пробел, а к вопросу конституционности сроков Конституционный Суд уже обратился в настоящем Постановлении.

Следовательно, Конституционный Суд считает, что в оспариваемом положении и главе 48 Кодекса законодатель полностью регламентировал производство в кассационной инстанции, устанавливая все важные, по его мнению, особенности, которые разграничивают это производство от производств в первой и апелляционной инстанциях.

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что в аспекте кассационного производства **на основании всех имеющихся в правовых регулированиях Кодекса правовых гарантий могла сформироваться равноценная правоприменительная практика.**

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд считает, что в рамках предмета рассмотрения по настоящему делу в главе 48 Кодекса **нет законодательного пробела, следовательно с точки зрения статей 27, 63 и 75 Конституции оспариваемое положение и другие системно взаимосвязанные с ним положения Кодекса не создают проблем.**

4.6. Сопоставляя конституционное регулирование относительно функций Кассационного Суда с закрепляющей функцию апелляционных судов статьей 172 Конституции, согласно которой апелляционные суды являются судебной инстанцией, пересматривающей в пределах установленных законом полномочий судебные акты судов первой инстанции, Конституционный Суд в рамках рассмотренного дела констатирует, что:

1) принцип ограничения пересмотра в вышестоящем порядке вытекает из упомянутых требований Конституции в совокупности с частью 1 статьи 61 Конституции и предполагает ограничение объема пересмотра от судов первой инстанции до Кассационного Суда, согласно правилу “чем выше судебная инстанция, тем более ограничен объем пересмотра”;

2) пересмотр судебных актов по существу является основной функцией вышестоящих судов – сущностью правосудия, а круг их иных полномочий, помимо предопределенных Конституцией случаев, может быть еще более ограничен законодателем, исходя из необходимости обеспечения необходимых для осуществления основного права на эффективную судебную защиту организационных механизмов и процедур;

3) пересмотр не разрешающих дело по существу судебных актов, в отличие от пересмотра разрешающих дело по существу судебных актов, может осуществляться согласно значительно отличающимся друг от друга правилам с таким расчетом, чтобы должным образом было обеспечено эффективное и справедливое рассмотрение разрешающих дело по существу судебных актов во всех судебных инстанциях, следовательно, также пресечен процессуальный круговорот по этим вопросам и его влияние на эффективность самого правосудия.

Обращаясь с точки зрения вышеизложенного к вопросу объема пересмотра промежуточных судебных актов в апелляционной и кассационной инстанциях, Конституционный Суд считает, что прописанные в Кодексе решения – ограничение круга оспариваемых в апелляционной инстанции промежуточных судебных актов, а в кассационной инстанции – дополнение этого ограниченного круга требованием преодоления наиболее сложных **общих предпосылок** приемлемости кассационной жалобы, сами по себе созвучны логике упомянутых статей Конституции. В то же время, как уже отмечалось, законодатель справедливо установил особые полномочия Апелляционного суда по рассмотрению правомерности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, в отличие от случаев пересмотра Апелляционным судом иных промежуточных судебных актов, а для Кассационного Суда особых полномочий по рассмотрению правомерности заключения под стражу не установил. В этом аспекте для Конституционного Суда неприемлем такой подход, когда Кассационный

Суд своими решениями, с одной стороны, полностью отождествил объем своих полномочий и полномочий Апелляционного суда, с другой стороны, возникло неправильное восприятие сущности нового судебного акта.

Таким образом, изучение практики Кассационного Суда свидетельствует о том, что Кассационный Суд в своем решении от 11 мая 2011 года номер КД/0003/11/10 по делу ЗАО “Арцахбанк” выразил правовую позицию о том, что “...**законодательная формулировка** относительно новых судебных актов, выносимых Апелляционным судом в результате рассмотрения жалоб против не разрешающих дело по существу судебных актов, **неопределенна, ...**”. В связи с этим Кассационный Суд посчитал, что с целью преодоления этой неопределенности Апелляционный суд должен руководствоваться **общими полномочиями по пересмотру разрешающих дело по существу судебных актов.**

Игнорируя установленные в части 5 статьи 288 Кодекса особые полномочия Апелляционного суда по вопросу правомерности заключения под стражу, Кассационный Суд сформировал судебную практику, в рамках которой обратился уже к своим полномочиям по пересмотру промежуточных судебных актов, констатируя, что они **отождествляются** с кругом полномочий Апелляционного Суда, причем **он** также **компетентен осуществлять те свои полномочия, которые установлены для рассмотрения разрешающих дело по существу судебных актов в кассационном производстве**¹.

Конституционный Суд считает, что Конституция существенно разграничивает функции и статус судов апелляционной и кассационной инстанций, что не может не отразиться также на объеме пересмотра судебных актов, особенно промежуточных судебных актов, и что в любом случае в силу обеспеченного Конституцией принципа ограничения пересмотра в вышестоящем порядке они не могут не отличаться друг от друга, следовательно, **объем компетенции Апелляционного суда в связи с судебными актами относительно правомерности промежуточных судебных актов и особенно заключения под стражу больше, чем у Кассационного Суда.** Эта разница предопределена вытекающими из закрепленных Конституцией функций и статуса Кассационного Суда правовыми предпосылками, которые устанавливают существенно

---

¹ См. Решение Кассационного Суда от 15 ноября 2018 года по делу YD/0743/06/18. – С. 45-46.

более высокий порог для приемлемости кассационной жалобы, что в свою очередь предопределяет объем пересмотра Кассационным Судом судебных актов.

4.7. Обращаясь к аргументам заявителя о предполагаемом превышении Кассационным Судом своих установленных оспариваемым положением полномочий, Конституционный Суд отмечает, что сделанный в предыдущем пункте настоящего Постановления анализ решений Кассационного Суда по этому вопросу свидетельствует, что практика Кассационного Суда с точки зрения соблюдения требований статей 171 и 172 Конституции создает проблемы.

Принимая за основание изложенные в пункте 4.1 настоящего Постановления правовые позиции Кассационного Суда относительно целей осуществления своих оспариваемых полномочий в части пересмотра промежуточных судебных актов, Конституционный Суд считает, что именно в этих целях в оспариваемом положении закреплена формулировка “новый судебный акт”.

Конституционный Суд вновь констатирует, что термин “новый судебный акт” не отождествляется ни с одним из закрепленных в части 1 статьи 419 Кодекса судебных актов и законодатель, применяя термин “новый судебный акт”, не имел в виду те перечисленные в части 1 упомянутой статьи полномочия, которые предоставлены Кассационному Суду в случаях пересмотра разрешающих дело по существу судебных актов. Это касается также цели закрепления тождественной формулировки пересмотра промежуточных судебных актов, установленной частью 2 статьи 394 Кодекса, системно взаимосвязанной с оспариваемым положением. По оценке Конституционного Суда, законодатель употребил термин “новый судебный акт”, по смыслу пункта 10 статьи 6 Кодекса.

Конституционный Суд считает необходимым еще раз отметить, что, в отличие от суда первой инстанции, который призван рассматривать все фактические и правовые обстоятельства дела, являющиеся основанием для вынесения судебного акта по существу и промежуточного судебного акта, законодатель использовал модель ограниченного пересмотра в апелляционной инстанции, а в кассационной инстанции речь идет о более ограниченном пересмотре при наличии особых предпосылок. Тем более это должно относиться к рассмотрению параллельно с осуществлением правосудия и в этом смысле имеющих промежуточный характер вопросов, и пересмотр не разрешающих дело по

существо судебных актов, в числе прочего, призван обеспечивать также эффективность правосудия, следовательно, в рамках системной логики модели ограниченного пересмотра явно направлен на вынесение **окончательных решений** в части промежуточных судебных актов, чем пресекается и процессуальный круговорот по этим вопросам, и в его возможных или отдельных случаях даже неизбежно негативное воздействие на эффективное осуществление истинной функции правосудия.

Конституционному Суду очевидно, что законодатель в этих целях разграничил полномочия Апелляционного и Кассационного Судов, осуществляемые в рамках пересмотра разрешающих дело по существу и не разрешающих дело по существу судебных актов. Следовательно, вынесение нового судебного акта в случае Кассационного Суда означает вынесение окончательного решения относительно кассационной жалобы против не разрешающего дело по существу судебного акта, то есть **окончательное решение вопроса правомерности этого акта** в рамках изученных в предыдущих инстанциях фактов. В случае кассационной жалобы, оспаривающей правомерность заключения под стражу, **обязательное полномочие Кассационного Суда по вынесению нового судебного акта как** установленная оспариваемым положением **единственная альтернатива** отклонению кассационной жалобы означает **удовлетворение кассационной жалобы отменой решения Апелляционного суда о применении или неприменении заключения под стражу в качестве меры пресечения.**

Упомянутое решение Кассационного Суда должно окончательно решить вопрос правомерности заключения под стражу и тем самым пресечь дальнейший процессуальный круговорот по этому вопросу, обеспечивая правовую четкость и предсказуемость в вопросе применения заключения под стражу.

Что касается толкования Кассационным Судом оспариваемого положения Кодекса, то оно противоречит статье 6 Конституции в совокупности с частью 1 статьи 164 и статьей 171 Конституции.

Конституционный Суд считает, что суды общей юрисдикции и специализированные суды (не Конституционный Суд) обременены **не только Конституцией, но и законом**, в противном случае они могут выступить или в качестве законодательного органа, или в качестве органа конституционного правосудия.

Конституционный Суд констатирует, что в силу части 1 статьи 6 Конституции в рамках предмета настоящего конституционно-правового спора Кассационный Суд мог осуществлять только те полномочия, которые были установлены оспариваемым положением Кодекса. Помимо этого, в отличие от **Конституционного Суда**, который при осуществлении правосудия **подчиняется только Конституции** (часть 2 статьи 167 Конституции), **все остальные суды ограничены и Конституцией, и законами** (часть 1 статьи 164 Конституции), следовательно, этими судами **закон** не может быть отменен, признан недействительным, пересмотрен, а может быть **только применен**. Более того, обязательные требования закона, в том числе установленные законом обязательные полномочия, не могут не применяться, за исключением того единственного случая, когда суд приостанавливает производство (что, кстати, является его обязанностью, если имеются обоснованные сомнения относительно конституционности /часть 4 статьи 169 Конституции/) и обращается в Конституционный Суд.

Изменение в правоприменительной практике установленных законом полномочий какого-либо суда в направлении их расширения, независимо от мотивировки, недопустимо, а в направлении сокращения означает их неосуществление или ненадлежащее осуществление, что, в зависимости от обстоятельств, может быть аналогично отказу в правосудии.

Противоречие Конституции расширения установленных законом полномочий собственным толкованием наиболее очевидно с точки зрения установленного в части 2 статьи 171 Конституции требования к Кассационному Суду, согласно которому Кассационный Суд **в пределах установленных законом полномочий** именно посредством пересмотра судебных актов осуществляет свои конституционные полномочия.

Согласно позиции ЕСПЧ, по смыслу применения пункта 1 статьи 6 Конвенции, “созданным на основании закона судом” не может считаться тот суд, который вынес решение, переходя за пределы четко установленных законом полномочий в связи с обжалуемым производством (Sokurenko and Strygun v. Ukraine, app. no. 29458/04 and 29465/04, 11/12/2006).

На основании другого обращения заявителя по настоящему делу Конституционный Суд в своем Процедурном решении от 25 января 2019 года ПРКС-7 об отказе в

рассмотрении дела об определении вопроса соответствия пункта 1 части 1 статьи 414² Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения Конституции, обращаясь к вопросу толкования и применения Конституции судами, в том числе Кассационным Судом, выразил правовые позиции, в частности, о том, что “то обстоятельство, что сфера конституционного правосудия согласно части 1 статьи 171 Конституции выходит за рамки функций Кассационного Суда, не означает, что Кассационный Суд не имеет полномочия толкования и применения Конституции”, и что “именно **окончательное и общеобязательное толкование и применение Конституции** как средство обеспечения верховенства Конституции является исключительной компетенцией Конституционного Суда, а все органы публичной власти в рамках предоставленных им Конституцией и законами полномочий толкуют и применяют Конституцию, особенно если созвучно статье 3 Конституции речь идет о непосредственно действующем праве, а именно об основных правах и свободах человека и гражданина, которыми ограничена **вся публичная власть**”. Помимо этого, в этом решении Конституционный Суд, закрепив, что осуществление конституционного правосудия, особенно определение соответствия Конституции закона и указанных в Конституции иных нормативно-правовых актов, является исключительной компетенцией Конституционного Суда, тем не менее констатировал, что **проверка конституционности является обязанностью всех судов**. Конституционный Суд затем особо отметил, что согласно части 4 статьи 169 Конституции, если суды по находящемуся в их производстве конкретному делу сталкиваются с проблемой конституционности подлежащего применению нормативно-правового акта, то есть в связи с этим возникают обоснованные сомнения, и если решение данного дела возможно лишь посредством применения этого нормативно-правового акта, то они **обязаны обратиться** в Конституционный Суд по вопросу определения соответствия этого акта Конституции, что означает, что не только Кассационный Суд, но и все суды **должны инцидентным образом проверять конституционность подлежащего применению нормативно-правового акта и обязаны обратиться в Конституционный Суд при наличии указанных предпосылок**.

Подтверждая свои упомянутые правовые позиции, Конституционный Суд считает, что выявление судами проблемы определенности закона или значимого с точки зрения конституционности какого-либо непреодолимого толкованием иного недостатка закона

является их обязательным полномочием, которое обеспечено особенно требованиями части 4 статьи 169 Конституции.

Конституционный Суд считает, что **выявление таких проблем в законе** делает неизбежным обращение в Конституционный Суд, так как они **не могут быть преодолены иными судами (не Конституционным Судом)**. Аргументирование неопределенности требований закона при их толковании является ничем иным, как констатированием проблемы конституционности. Рассмотрение наличия этой проблемы в качестве основания для “освобождения” от исполнения установленного законом требования и расширения либо ограничения собственных полномочий означает своеобразное решение проблемы конституционности не Конституционным Судом, что недопустимо. А анализ правоприменительной практики оспариваемого в рамках рассматриваемого дела положения свидетельствует, что Кассационный Суд с целью мотивировки неопределенности оспариваемого положения Кодекса сослался на одно из ранее принятых им решений, игнорируя наличие установленного Конституцией обязательного полномочия обращения в Конституционный Суд.

Вместе с тем Конституционный Суд аргументирует, что те положения Кодекса, которые регулируют процедуру обращения в Конституционный Суд, пока еще закрепляют не обязанность, а усмотрение суда на обращение в Конституционный Суд (часть 2 статьи 31 Кодекса). Учитывая то обстоятельство, что эти положения системно не взаимосвязаны с оспариваемым положением Кодекса, Конституционный Суд не правомочен обращаться к их конституционности. С другой стороны, Конституционный Суд обращает внимание Правительства и Национального Собрания на этот имеющий основополагающее значение вопрос и призывает предпринять процесс пересмотра упомянутых положений в свете Конституции.

Констатируя обязательный характер полномочия по обращению в Конституционный Суд всех судов, в том числе Кассационного Суда, Конституционный Суд на основании вышеизложенного приходит к заключению, что Кассационный Суд в вопросе обращения в Конституционный Суд проявил дискреционный подход, принимая за основание формулировку закона, хотя при разумном подходе можно было бы ожидать, что в этом случае как минимум не должен был оценивать оспариваемое положение закона, опосредованно квалифицируя его как неопределенное, то есть как неконституционное.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 8 части 1 статьи 169, статью 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 2 статьи 419 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения соответствует Конституции в том толковании, что полномочием по вынесению Кассационным Судом нового судебного акта в результате пересмотра не разрешающих дело по существу судебных актов относительно данного вопроса является вынесение окончательного решения по данному вопросу.

2. Учитывая то обстоятельство, что оспариваемое по настоящему делу положение применено в отношении заявителя в ином толковании, отличном от толкования Конституционного Суда, согласно части 10 статьи 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде” вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт на основании нового обстоятельства подлежит пересмотру в установленном законом порядке.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. ТОВМАСЯН

7 мая 2019 года
ПКС-1459

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения